

Проблематика религиозной идентичности в светском обществе современного Башкортостана

М.МАРДАНОВ

В настоящее время Российская Федерация ведет активную социокультурную работу по формированию и укреплению общероссийской идентичности. На это направлена федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Данный документ актуализирует задачу научного рассмотрения проблем идентичности, поскольку «произошла замена единой советской идентичности различными, часто конкурирующими формами региональной, этнической и религиозной идентичности. На фоне глубоких общественных трансформаций по формированию свободного и открытого общества, а также рыночной экономики в постсоветской России проявились кризис гражданской идентичности, межэтническая нетерпимость, сепаратизм и терроризм, в результате которых возникла опасность дезинтеграции общества» [5, 4]. Параллельно с этим наблюдается активный рост числа граждан Российской Федерации, определяющих себя через свою религиозную идентичность. В силу этого необходимым направлением научно-исследовательских разработок, осуществляемых научным сообществом Республики Башкортостан, должна стать проблематика религиозной идентичности и ее содержания. Как отмечается в указанной целевой программе, «традиционные формы духовности и этнической культуры народов России являются основой общероссийской идентичности» [5, 5], вследствие чего данная проблематика является необходимой составляющей достижения задач устанавливаемых государством.

Под религиозной идентичностью в данной работе понимается «форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на

осознании принадлежности к определенной религии и формирующая представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм» [2, 223] и реализация религиозных принципов в жизнедеятельности.

Религиозная идентичность является составным элементом идентичности личностей любого развитого общества, к которым, несомненно, относится и российское общество. В рамках общей идентичности она может занимать как подчиненное, второстепенное положение, характеризуя, к примеру, этническую принадлежность личности, так и доминирующее положение. Принципиальным отличием данных типов соотношения идентичностей является постановка целей и задач развития общества. В первом случае цели и задачи устанавливаются исходя из потребностей и социокультурных особенностей того или иного общества и не носят сакрального статуса. Следовательно, они могут видоизменяться вместе с самим обществом под воздействием объективных исторических и природных условий. Во втором же случае – цели и задачи общественного развития носят сакральный характер, поскольку получают свое обоснование посредством апелляции к религиозным догматам. В силу этого воздействия упомянутых выше объективных обстоятельств воспринимается не как источник развития общества, а как то, что препятствует реализации абсолютного, неизменного закона.

Как отмечает в своей работе Н.Л. Балич: «Религиозная идентичность связана с механизмами самоопределения, эмоционального отождествления и субъективной причастностью индивида к конкретной религии, образу жизни, общности единоверцев. Она может занимать доминирующие позиции, подчиняя себе

Марданов Марат Хамитьянович, канд. полит. наук, профессор Академии военных наук Российской Федерации, директор Центра гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан. E-mail: director.instituta@yandex.ru

гражданскую, семейную, профессиональную и другие виды идентичностей. Когда субъективная значимость религиозной идентичности оказывается более значимой и сопровождается принятием соответствующего образа жизни, она «окрашивает» другие виды идентичностей присутствием конкретной религии колоритом.... Это процесс, в котором внешние (социальные) и внутренние обстоятельства приводят человека к религиозному обращению, а сама религиозная идентичность оказывает обратное воздействие на формирование гражданской, национальной, культурной (и др.) видов социальной идентичности» [1, 234].

Таким образом, те или иные типы обществ могут классифицироваться исходя из фундаментальных принципов, отвечающих за целеполагание. Однако данное выше описание носит упрощенный, типизированный характер. В отношении российского общества следует отметить, что в нем сосуществуют и взаимодействуют социальные группы, идентичности которых по-разному структурированы. Можно сказать, что в российском обществе присутствуют группы, в идентичностях которых религиозный компонент носит как подчиненный, так и доминирующий характер при доминировании светских принципов целеполагания. Сочетание столь противоположных личностных и групповых установок усложняет социальное взаимодействие, выступает потенциальным источником конфликтов. Но при этом общество, которое разрешит данную проблему в своей социальной динамике, приобретет большую устойчивость и предоставит простор для социального творчества.

Наиболее актуальными, применительно к нашему региону, являются процессы, протекающие в исламском сообществе. Его условно можно разделить на два неравновеликих сегмента. Первый сегмент включает граждан, соотносящих свою религиозную идентичность с принадлежностью к определенному этносу. Данный сегмент включает в себя народы, которые традиционно являются «исламскими» (башкиры, татары). Второй сегмент включает в себя граждан, для которых религиозная идентичность доминирует и является основной. На данный момент он активно развивается как в

количественном, так и в качественном отношении. Но при этом можно выделить ряд проблем, с которыми сталкивается данный сегмент в своем развитии.

Первой и основной проблемой является разрыв в исламской традиции. Данная проблема заключается в том, что у современных исламских лидеров отсутствует преемственность с деятелями дореволюционного этапа развития ислама. Хотя номинально Центральное духовное управление мусульман России и Духовное управление мусульман Республики Башкортостан правомерно считают себя правопреемниками соответствующих исламских учреждений начала XX века. Однако структурно они были воссозданы в последней трети XX века. Тем самым определенный исторический этап развития нашей страны характеризовался отсутствием централизованных исламских организаций, осуществляющих целеполагание для исламского сообщества.

Решить данную проблему можно двумя путями. Первый путь – это импорт с территорий, сохранивших исламскую традицию и преемственность, соответствующих установок и системы авторитетов. Второй – это восстановление традиций на основе собственных источников. На данный момент, можно сказать, реализуются оба сценария. Они получили свое воплощение в двух проектах – «салафитском» и «суфийском». Оба этих проекта пока бесконфликтно сосуществуют и претендуют на доминирование в рамках внутриконфессиональной исламской среды Республики Башкортостан.

Обладая разными источниками легитимации, к примеру, в первом проекте осуществляется апелляция к актуальной исламской традиции, во втором – к истории нашей страны, данные проекты носят скорее конструктивный характер своего целеполагания, поскольку они ориентированы на встраивание социального субъекта с доминирующей религиозной идентичностью в социальную структуру российского общества. При этом следует отметить, что в республике существует исламская религиозная группа, носящая деструктивный характер исходя из сформулированного критерия. Данная группа может быть условно названа «хакканитами» – по имени своего духовного наставника, лидера

«тарикат хакканийа, относящегося к накшбандийской ветви муджадидийа-халидийа – Мухаммеда Назима Адиль ал-Кубруси ал-Хаккани Мухаммеда Назима Адиль ал-Кубруси ал-Хаккани более известного как Назим Киприотский» [6, 34].

Все указанные выше субъекты развития исламского сообщества республики, как конструктивные так и деструктивные, ставят перед собой задачу формирования религиозно-исторического «мифа», то есть системы представлений о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм.

Конкуренция различных проектов и различных исторических «мифов», несомненно, является позитивным феноменом, поскольку позволяет выработать более подробную и не противоречивую систему принципов целеполагания. Однако обратной стороной данного процесса является то, что мусульманская умма является раздробленной и не обладает необходимым единством перед лицом глобальных вызовов, одним из проявлений которых является феномен ИГИЛ (запрещенная в Российской Федерации террористическая организация).

Итогом данных процессов должно стать обретение субъектности социальных групп с доминирующей религиозной идентичностью. Таковые группы сформируют новый социальный объект, для которого характерны групповая солидарность, основанная на единстве религиозной идентичности, формирование принципов взаимодействия определяемых религиозными постулатами и специфическим характером социальных институтов базирующихся на религиозных догматах, что в последующем формирует специфическое целеполагание. Однако характеристики заверченного состояния определяются процессом развития. Качественные же характеристики исламской конфессиональной идентичности в Башкирии на данном этапе развития определяются общим социокультурным фоном, с одной стороны, и внутренними процессами структуризации мусульманского сообщества – с другой. При этом необходимо учитывать социальную базу, на основе которой и формируется данный субъект. Такой базой выступают представители аграрного, торгового секторов и сферы услуг. Иными словами,

институциональные установки данных профессиональных групп будут формировать специфическую социокультурную ориентацию, суть которой будет заключаться в ориентации на институционализацию и соответствующей сакрализации определенной сферы профессиональной деятельности. Причем если в конфессиональном дискурсе и идейных установках религиозно-исторического «мифа» будут доминировать вышеперечисленные профессиональные сферы, то «за бортом» останутся сферы индустриального и научно-технического развития. Итогом данного процесса может служить формирование социокультурного субъекта с доминирующими архаичными установками.

Если придерживаться концепции П. Сорокина о доминирующем социокультурном строе в рамках цикличной макродинамики общества [3], то можно сделать вывод о том, что исламское сообщество (а вместе с ним и иные сектора конфессиональной сферы российского общества) переживает формирование идеационального социокультурного строя – это подтверждается отсутствием в конфессиональном дискурсе ориентации на благоустройство социального и экономического базиса – и апелляции к сверхестественному. Иной тип социокультурного строя доминирует в неконфессиональных секторах российского общества, а именно – чувственный (по классификации П. Сорокина).

Подобное различие в разных сферах одного общества является потенциальным источником конфликтов. Поскольку «всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть их единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность» [4, 429]. Следовательно, конфликты будут носить ценностный характер. Именно система ценностей и сфера культуры должны стать источником творческого развития российского общества на интегративных началах. Следовательно, в противовес тенденции к ценностному расколу возникает необходимость выстраивания интегрального социокультурного строя, совмещающего в себе как идеациональный так и чувственный.

Литература

1. Балич Н.Л. Религиозная идентичность в культуре современного общества // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 234–243.
2. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд, доп. и перераб. М.: Изд-во ИКАР, 2014. 356 с.
3. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и пред. А.Ю. Союмонов; пер. с англ. С. А. Сидоренко. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
5. ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)».
6. Цибенко В.В. Борьба за молчаливое большинство: тарикат хакканийя против салафийя // Проблемы востоковедения. 2016. № 1. С. 34–40.